А.И. Гусейнов,
кандидат философских наук, докторант РАГС

СОЦИОНОРМАТИВНОСТЬ КУЛЬТУРЫ

Определяя культуру как социально унаследованную систему регулирующих механизмов, обусловленную совокупностью конкретно-исторических условий, в которой основным и сущностным элементом являются идеи, ценности, обязательно стандартизированные и составляющие основу моделей поведения, и которая в конечном счете упорядочивает человеческую деятельность, мы тем самым указываем на ее нормативность.

Применяя свою концепцию «кибернетической иерархии» к поиску «основы нормативности», Т. Парсонс указывает на доминирующее влияние культуры в определении институциональных форм всякого социального действия. «Эволюционные универсалии» он рассматривает в качестве этапов становления и развития «общей культуры», а ее «нормы и ценности» – и основанием, и критерием законоустановленных правил поведения. Нормы в данном случае выполняют функции регуляторов социальных связей внутри общества. В ходе действия норм происходит целенаправленное влияние на человеческое поведение, вследствие чего для членов общества оно становится единообразным и, соответственно, предсказуемым. Ценности также участвуют в процессе регулирования, но они, по Парсонсу, имеют более высокое значение, так как составляют информационную основу действия норм, придают им неповторимую окраску и ориентируют личность в отношении значимости действующих норм.

Парсонс рассуждает следующим образом: у основания структуры социальная система базируется на «конкретном человеческом индивиде» как физическом организме, принимающем участие в процессах социального взаимодействия, играя различные роли. Роли организуются и соединяются, чтобы образовать коллективы, а последние, в свою очередь, управляются в соответствии со все более и более «высокими порядками обобщенных институционализированных норм…»[1]. Но главное, считает Парсонс, заключается в том, чтобы исполнители ролей выполняли их в соответствии с оценочным соглашением общества. Индивид связан с системой ценностей не непосредственно, а через систему учреждений, сформировавшуюся

[1] *Парсонс Т.* О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М., 2002. С. 735.

в данном обществе, и через совокупность тех ролей, которые обеспечивает «нормальное» функционирование этой системы.

Итак, нормативность – явление не сугубо правовое. Она коренится в природе человека и присуща любому социальному организму, проявляется в форме институционализации общественных отношений и поведения людей, суть которой заключается в том, что не следует мешать процессу взаимодействия, одним из главных условий которого является взаимность ожиданий. Иными словами, культура – это то, что считается разумным, обоснованным в данном сообществе. Культура как нормативная система, во-первых, информирует о том, на что можно надеяться, как себя вести, чтобы быть одобренным другими, и о том, что будет сочтено нежелательным; во-вторых, побуждает, мотивирует человека к поведению, одобряемому в данной общности; в-третьих, налагает ограничения, контролирует поведение людей, которые должны вести себя так, как считается принятым.

Возникнув на определенном этапе развития человечества, нормативность приобретает всеобъемлющий характер, становится универсальным средством упорядочения и развития мысли и поведения людей. В ее основе – типичность, повторяемость социальных и мыслительных процессов, все-общность существующих явлений. В нормативности воплощен коллективный опыт адаптации людей к конкретным условиям жизнедеятельности на протяжении длительного исторического периода, характерный для данной общности. Нормативны мыслительный процесс, язык, правила грамматики, социальные процессы и, наконец, поведение человека. Фиксируя сгустки человеческих знаний и деятельность в определенных правилах, человечество закрепляет достигнутые знания и опыт, наращивает их, вводит социальную жизнь в определенные рамки. Согласованность жизненно важных действий программируется природой как необходимое условие выживания. Цель нормативного порядка – уберечь человеческие отношения от вырождения в «войну всех против всех». Взаимные откорректированность и отрегулированность, «переплетение смыслов, ожиданий и поведения, основанного на взаимной ориентации»[1], становятся возможными благодаря принятым в обществе идеям, нормам и правилам, образцам поведения, т. е. культуре. Культура объединяет, интегрирует людей, наделяя их стандартами поведения, делает их жизнь предсказуемой и ответственной.

Аскриптивность и партикуляризм ранних традиционных институтов сочетаются с их малой автономностью, слабой дифференциро-

[1] *Бергер П.* Приглашение в социологию. М., 1966. С. 32.

ванностью[1], наличием незначительной специализации производственной деятельности и обмена. Не существует особых норм, правил, которые регулировали бы отношения между людьми в области хозяйственной деятельности, управления делами рода. Все регулируется на основе единой матрицы кровнородственных отношений. По мере расширения семей, родов, возникновения необходимости контактировать с другими родами, семьями, ранние традиционно-аскриптивные институты изменяются. Устанавливаются нормы, регулирующие некоторые аспекты повседневной жизнедеятельности и приобретающие более рационально-долженствующий характер. На начальном этапе исторического развития общества, в условиях ограниченного сотрудничества между его членами[2] культурные нормы существовали как символические механизмы обеспечения сорганизованности индивидов, их гармонического сосуществования и воспроизводства в природной среде, что нашло отражение в мифе. Возражая тем, кто считал, что дикарь пользуется большей личной свободой в сравнении с той, какая принадлежит цивилизованному человеку, Леббок писал: «Дикарь, напротив, нигде и никогда не бывает свободен. Во всех странах мира обыденная жизнь дикаря регулируется весьма сложным и часто крайне неудобным кодексом обычаев, столь же обязательных, как и законы, и странных ограничений и привилегий»[3]. Миф обеспечивал регуляцию общественной жизни, но это достигалось за счет отсутствия свободы, тотального подчинения человека коллективу. Он был рабом прошлого, духов природы и умерших предков. Их деяния становились настоящим неписаным законом, которому надо было слепо повиноваться. Но все это, на наш взгляд, не лишало людей субъективности. Г.В. Мальцев справедливо указывает: «Когда древнего человека представляют существом диким, примитивным ...лишенным собственного «я», …это выражает не только непонимание первобытности… но и опасную утрату современной личностью многих подлинных человеческих черт»[4]. По мнению ученого, это черты – «…коллективизм, духовный универсализм и религиозность, умеренность и способность к самопожертвованию и т. д.»[5]. Только этим можно было обеспечить сплоченность культуры

[1] *Макайвер Р.* Реальность социальной эволюции // Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 85.

[2] *Фролов С.С.* Нормативная культура как фактор социального управления. М. 1995. С. 176.

[3] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. (Уч. пособие по изд. 1910 – 1912 г.) Т. 1. Вып. 1. М., 1995. С. 144.

[4] *Мальцев Г.В.* Пять лекций о происхождении и ранних формах права и государства. М., 2000. С. 27.

[5] Там же.

рода и повысить его шансы на выживание. Непосредственно отражая представление человека о его месте в конкретной природной и социальной среде, мифы образовали нормативную систему, от которой зависела степень выживания человека в определенных условиях. В то же время, подчеркивает В.С. Нерсесянц, мифы о весах богов, на которых взвешиваются человеческие поступки, были свидетельством формирования абстрактной модели правосудия – в качестве единства верховной авторитетной инстанции, особой функции и специальной процедуры – для выявления и установления правильного и неправильного, справедливого и несправедливого[1].

Такое правосудие обладает всеобщим и безусловным авторитетом, поскольку в мифологическом и религиозном плане является функцией богов, в земном практическом плане – функцией вожака, вождя и т. д. «Так что суд, особенно в ранние эпохи его деятельности, предстает как авторитетный и полномочный нормотворческий и нормоохранительный институт социальной жизни»[2].

Дальнейшие развитие норм культуры, связанное с разложением мифа и формированием трудовой деятельности, производства и обмена как универсального способа кооперации людей, привело к дифференциации их на моральные, религиозные, правовые и другие виды. Логика эволюции норм показывает их нерасчлененность в первобытной культуре на сферы, которые начали выделяться из мифа только после его разложения. Оставаясь нормами культуры, нормы морали, религии и права приобретают лишь новые дополнительные качества, отличающие их друг от друга, например, взаимообусловленность прав и обязанностей субъектов, связанная с неизбежной санкцией, как специфическое свойство права. Но сущностно-содержательные качества морали, религии, права как институтов определяются только культурой, точнее теми идеями, представлениями, которые составляют сущностное ядро самой культуры. Такой подход к рассмотрению генезиса права, морали, религии предопределяет следующую его схему: сформировавшееся вследствие эффективной социальной практики правило поведения в первую очередь закрепляется как культурная норма и лишь затем приобретает ту или иную форму: или нравственного долга, или религиозной обязанности, или правового требования и т. п.

Контролирующий характер присущ институционализации как таковой, независимо от того, созданы какие-либо внешние механиз-

[1] См.: *Нерсесянц В.С.* Ценность права как триединства свободы, равенства и справедливости // Проблема ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1990. С. 13.

[2] Там же. С. 13.

мы санкций, поддерживающих данный институт, или нет. Любая норма, регулирующая поведение человека в общества, включая нормы нравственности, не говоря об обычае, скрыто или открыто содержит в себе указание на определенную санкцию или принуждение, будь то в форме психологического или физического воздействия. Санкция заключается уже в самом термине «норма», означающем правила, которое нормирует, т. е. ограничивает какими-то рамками поведение человека. В этом смысле не имеет значения, исходит обязательство держаться в этих рамках от самого индивидуума или извне. Обычно имеет сочетание и того и другого. В любом случае оно есть форма принуждения.

Властная функция культуры реализуется прежде всего через совокупность рождаемых ею стереотипов восприятия мира, понятийно-категориальных и знаково-символических средств, которые в свою очередь реализуются в ценностно-нормативных установках. Стереотипный образ, категориальный аппарат мышления, его знаково-символический строй, ценностно-нормативные представления и технологии действия логически дополняют друг друга как различные компоненты властного аппарата культуры. Большую роль при этом играет язык, который Ницше, в частности, считал первоосновой властной функции культуры. Значение языка для развития культуры состоит в том, что в нем человек установил особый мир наряду с прежним миром – место, которое считал столь прочным, что, стоя на нем, переворачивал остальной мир и овладевал им[1].

Выступая в роли носителя культуры, язык обладает особой значимостью в утверждении ее властных полномочий. Он не просто фиксирует реалии «жизненного мира» при помощи арсенала знаковых средств, но и продуцирует таковые. В поле языка складываются отношения взаимодействующих субъектов к обсуждаемым реалиям. Дело в том, что в языке происходит не только означение обсуждаемых коммуницирующими субъектами реалий, но и полагание. Зачастую в акте говорения предлагаются конкурирующие картины тех или иных предметных реалий, и в этом обстоятельстве высвечиваются властные функции языка. К числу теоретических заслуг Ницше принадлежит, таким образом, осознание факта, что сами культурные продукты, сколь бы рафинированным и оторванным от реалий собственно политической сферы ни было их существование, несут в себе властный потенциал, навязывая определенное отношение к миру, его реалиям, другим людям.

---

[1] См.: *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 244.

Механизм замещения, укорененный в языке, стал предпосылкой рождения ценностно-нормативных представлений. Общество предполагает осмысленность социальных действий своих членов, которая выявляется в процессе социальной интерпретации действий как соответствующих или не соответствующих ожиданиям, одобряемым людьми в определенной социокультурной среде. Ценностное сознание как бы задает координаты значимого и незначимого в поле человеческого опыта, ранжируя многообразие его феноменов сообразно с избираемыми эталонами различной степени общности. Попадая в определенное поле дискурса, феномен теряет нейтральность, сопоставляется с другими, включается в заданную систему отношений. Игры обмена, происходящие в человеческих сообществах, наделяют явления определенной значимостью Их ценность, связанная со способностью приносить пользу в каком-то одном из участков жизненного мира, может многократно возрасти или невероятно уменьшиться в зависимости от доминирующих в данном сообществе игр обмена.

Преобладающие практики обмена, принимаемые в качестве универсальных, производят своеобразную селекцию полезного в соответствии с присущими им эталонными характеристиками. Эта селекция материала культурного опыта под углом зрения ценностных предпочтений в той или иной сфере неминуемо ставит вопрос о способах достижения желаемого результата, следовательно, о нормативно-значимом. Сами по себе нормы культурного действия могут варьироваться по степени традиционности и рациональной отрефлексированности, но в любом случае вне зависимости от стратегии и способов их закрепления являются итогом своеобразного соглашения между членами сообщества. Власть нормы консервативнее ценностной предопределенности, а ее низвержение означает переоценку ценностей, происходящую в границах культурного сообщества. Ценностное измерение культуры позволяет считаться с многообразием внутреннего содержания культуры, воплощенного в нормах, институтах, символах и т. д. Культурные ценности в зависимости от различных объективных и субъективных факторов по-разному отражают, закрепляют в культурных системах общечеловеческие ценности.

В любом культурном феномене органично соединяется то, что определяется внешними условиями, природой, логикой социальных взаимодействий и то, что обусловлено творчеством (фантазией) людей. Последнее обусловливает неповторимое, вариативное, характерное лишь для культуры данного общества. Но защищаются ценности нормами по-разному. Любой культурный феномен функционально целесообразен, обеспечивает определенные нужды. Власть

культуры, как показал М. Фуко, реализуется и в совокупности технологий человеческой деятельности. Нормы находят в них свое конкретное воплощение, регулируя отношение человека к себе, к другим людям, естественно-природному окружению. Анализируя то, как реально функционирует аппарат культуры, осуществляя цензурирование опыта субъекта, допуская в свои пределы лишь определенные его сегменты, Фуко показал, что явления, не вписывающиеся в глобальные дискурсивные возможности той или иной культуры, как бы вытесняются за границы обсуждения, рассматриваются как своеобразное инородное тело, подлежащее изгнанию[1]. Естественно, что главенствующий в культуре порядок дискурса задает и определенные стандарты истинностного знания, а также обоснования нормативно-значимого с точки зрения имеющегося знания и ценностных установок общества.

[1] См.: *Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине. М., 1996. С. 52.